

ЭМИЛЬ ЯНВАРЕВ

НОВАЯ КНИГА

СТИХИ МОИ МЛАДШЕ МЕНЯ

ЭМИЛЬ ЯНВАРЕВ

НОВАЯ КНИГА

Николаев
МП "Возможности Киммерии"
2000

СТИХИ МОИ МЛАДШЕ МЕНЯ

В 1997 году издательство “Возможности Киммерии” выпустило поэтический сборник Эмиля Январева “Документ”, удостоенный впоследствии Всеукраинской премии им. Николая Ушакова. Писатель Александр Сизоненко сказал о книге: “Даже нынешнее безвременье не властно над честной зоркостью и отвагой истинных Поэтов, и никакие веянья и угрозы не смутят их высокие души. Сборник “Документ” удостоверяет подлинный, а не взлелеянный в “директивных” органах и “спущенный в массы талант”.

В “Документ” вошли страницы разных книг поэта. Сборник “Стихи мои младше меня” нов от первой до последней строчки. Неизменными в нем остаются пристальное внимание автора к разнообразию жизни, любовь к бытовой детали, умение сохранить возвышенную интонацию в повествовании о самом простом.

Составитель Эмиль Январев

Книга иллюстрирована
скульптурными работами
Генри Мура

ISBN 966-7676-05-6

© Издательство “Возможности Киммерии”, 2000 г.

Посвящаю дорогим людям -
Юнне Зиньковской и Дмитрию Темину

ОТ АВТОРА

Мое вступительное слово к избранному тому "Ольвийский причал" (1991) завершалось так: "Новое время, что началось в 85-м году, дало мне (и разве только мне?) очень много и радостей, и надежд, и тревог... Но об этом еще надо - стихами".

Вот о чем не забывал я, составляя книжку "Стихи мои младше меня".

Конечно, более всего мне хотелось, чтобы на ней была мета времени. Отголоски ее, надеюсь, слышны не только в публицистике, но и в лирике - пейзажной, интимной, философской. Иначе, впрочем, и быть не могло! Как это ни парадоксально, в литературе современность улавливается и в скромной речушке, и в утренней рожице, еще не стряхнувшей росу со своих иголок... Цветом нынешней календарной даты крашены и отгулявшие новоселье многоэтажки, и объятия любовников, и звуки незатейливой песенки в телеке.

Как у наших образцовых поэтов такая поэзия получалась, - сие есть тайна тайн. Нам ли ее отгадать?

Нам - просто помнить, что она существует ("существует - и ни в зуб ногой", как заметил Маяковский).

Книга выходит зимой (для поэта с фамилией Январев - в самый раз). Но я часто вспоминаю Леонида Мартынова. Первая строчка одного его стихотворения звучит так: "Примерзло яблоко к поверхности лотка", а последняя - "Все это значит, что весна близка!"

Весна близка, дорогие мои читатели!

Эмиль Январев

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

В двухтысячном году
по набережной Буга,
кряхтя, бредет старик
семидесяти лет.
Сутулая спина,
морщинистая будка,
натянутый на плешь
коричневый берет.

Дождался он - ура! -
двухтысячного года,
о коем так мечтал,
как посвежее был...
Он шарфом обмотал
простуженное горло,
знакомцу покивал
(а имечко - забыл).

Но все же - грех роптать.
Тысячелетье третье!
И новая в судьбе
Маячит полоса.

И новые бегут
по набережной дети,
и новые сквозят
на стрежне паруса.

А ежели душа
и смутой грустноватой,
и ропотом полна,
саму себя казня,
так это только знак
того,

 что век двадцатый
на волю отпустил
ее не до конца.

Тут вас дядька встречал при усах,
кареглаз был

 и знал свое дело.

О починенных им примусах
слава,
точно горелка,
гудела.

Что мечтать о былых чудесах,
о честных мастерах кареглазых?

Все сгорело на тех примусах,
стало пеплом
на тех керогазах...

О ЦИРКЕ

Вышел клоун. На псину цыкнул.
Мяч ногою смешно отбил...
Все равно - не люблю я цирка!
А, признаться, - и не любил.

Вот наездница -
 кругом, кругом! -
так естественно и легко
под лошажьим повисла крупом.
Что ж печально ее лицо?

Вот, надеясь на помощь Божью,
машет гирями богатырь.
Ходят мускулы мелкой дрожью
от безжалостных этих гирь.

И звериных тут биографий
исключительных не найдешь:
учат тигры
 с повадкой рабьей
послушанию молодежь.

• • •

Надоело чернуху читать,
надоело подонков считать
персонажами высшего толка.

Интерес к теневым сторонам,
разумеется, свойствен и нам,
но является он ненадолго.

...И щебечет березка, светя,
и в овраге,
 ко сну отходя,
все вавакает в темь перепелка.

ЛЕШИЙ

Микрорайон.
Машин снование.
Как ни шумел лесок, а сдался.
Он вырублен до основания,
а леший - уцелел, остался.

И вот
 с мыслителями здешними
он скидывается на банку
и бродит с ними, забалдевшими,
ища знакомую полянку.

Полянки нет!
Лешак заводится.
рычит, кидается, гундосит,
и прохиндействует, как водится.
...И воронок его увозит.

• • •

Душа истерзалась,
в ней черная вызрела мысль:
мне вдруг показалось,
что все от меня отреклось.
И день мой недужен,
и свет мой уходит во тьму,
и сам я не нужен
на этой земле никому,
Ни птиц и ни радуг,
округа в дыму и в золе,
...Но все-таки радость -
проснуться на ранней заре
от шороха тучки,
от шепота струй дождевых,
от оклика внучки,
проснувшейся раньше других!

• • •
Вдруг вспоминаешь знакомого, забытого
так далеко, что и вспомнить-то боязно.
Хоть у себя, хоть у близких выпытывай-
выпал из времени, словно из поезда.

Где он? В какой передрыге преглупой
в тартарары уволок даже эхо?
Что он тебе? Но Гекуба Гекубой, -
надо же
все-таки
выяснить это!

Понял ты горестно с этого раза
то, о чем раньше не знал и не ведал:
как на поверку легко затеряться,
сгинуть, растаять, как будто и не был...

• • •
Мы жили
 лишенные естества.
Мы были
 на долгие времена
Иваны, не помнящие родства,
Абрамы, меняющие имена.

И разве мы этим
 кому грозим,
когда у отческих алтарей
грузин вспоминает, что он грузин,
еврей вспоминает, что он еврей?

• • •
Я размышлял деловито и мудро
вечером. Строки являлись под утро.

Речь была взвешена, благообразна
вечером. Утром - темна и несвязна.

Я и ко сну отходил моментально,
веря -
разбудят надежда и тайна.

Снилось ли что? А единственно это:
сколько осталось еще до рассвета?

ЗЛОБА ДНЯ

Вы спросили у меня,
пацаны десятой школы,
что такое злоба дня...
Это - рощи, это - доли
и под солнцем зелена.

Все, что утешает нас
в этой жизни торопливой,
трепет губ, сиянье глаз,
блеск аллеи тополиной,
друга искренний рассказ.

Откровенно говоря,
я хочу, ребята, чтобы,
не пугая нас зазря,
в злобе дня не стало злобы,
крови, ненависти, зла!

• • •

В длинную строчку и я был когда-то влюблен:
все в ней вмещается - лес, побережье и поле.
Длинной строкой не угнаться за длинным рублем,
в ней, между прочим, и мыслей бывает поболее.

Видно, безбедно жила побродяга Гомер,
если гекзаметром не торговал, как товаром.
Надо же - выбрал такой бескорыстный размер,
несогласуемый с шибко большим гонораром...

• • •

Задор стариковский, ей-богу, - брехня!
С годами приходит смирение.
И все же стихи мои младше меня,
наивней, смелее.

В них страсти
еще кипяточком кипят,
как раньше, крамольны вопросы.
Они безоглядны с макушки до пят
и - темноволосы!

В ГОСТЯХ У В.ГРИГОРЬЕВА

Володя, кинорежиссер,
жил в ленинградском доме так,
как будто это не чердак,
а просто временная лажа.

Он знал, что в этом доме был
до революции бардак,
о чем и сообщал гостям
для смеха и для эпатажа.

И мы по-новому уже
совали нос во все углы,
и нам казалось, что сейчас
из туалета или ванной

явление девки будет нам:
она всплывет из полумглы
со стопкой зелена вина
и с бледной ряхой полупьяной.

Явления не произошло...
Зато Володина жена
(по барабану ей была
старорежимная порнуха!)

укачивала малыша,
и колыбельную она
придумывала на ходу
и нам внимала краем уха.

...Алена, как твое дитя?
Володя, как твое кино?
Какие годы пронеслись!
Какие вьюги отгудели!

Где повстречаемся опять?
Где нам обняться суждено -
в речном порту, где я живу,
или у вас, в родном борделе?

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Ветры клен лохматили
у моих дверей.
Я в Славути матери
написал
твоей:

"В эти дни и прочие,
и в мороз, и в зной
будет вашей дочери
хорошо со мной".

Ни кнута,
ни пряника
не держал в руке.
На свиданье пряменько
прибегал к реке.

Обнимал жалеючи,
целовал в уста,
сидя на скамеечке
около моста.

Страсть была,
как обморок:
не видали мы
ни луны,
ни облака,
ни полночной мглы.

КВАРТИРА

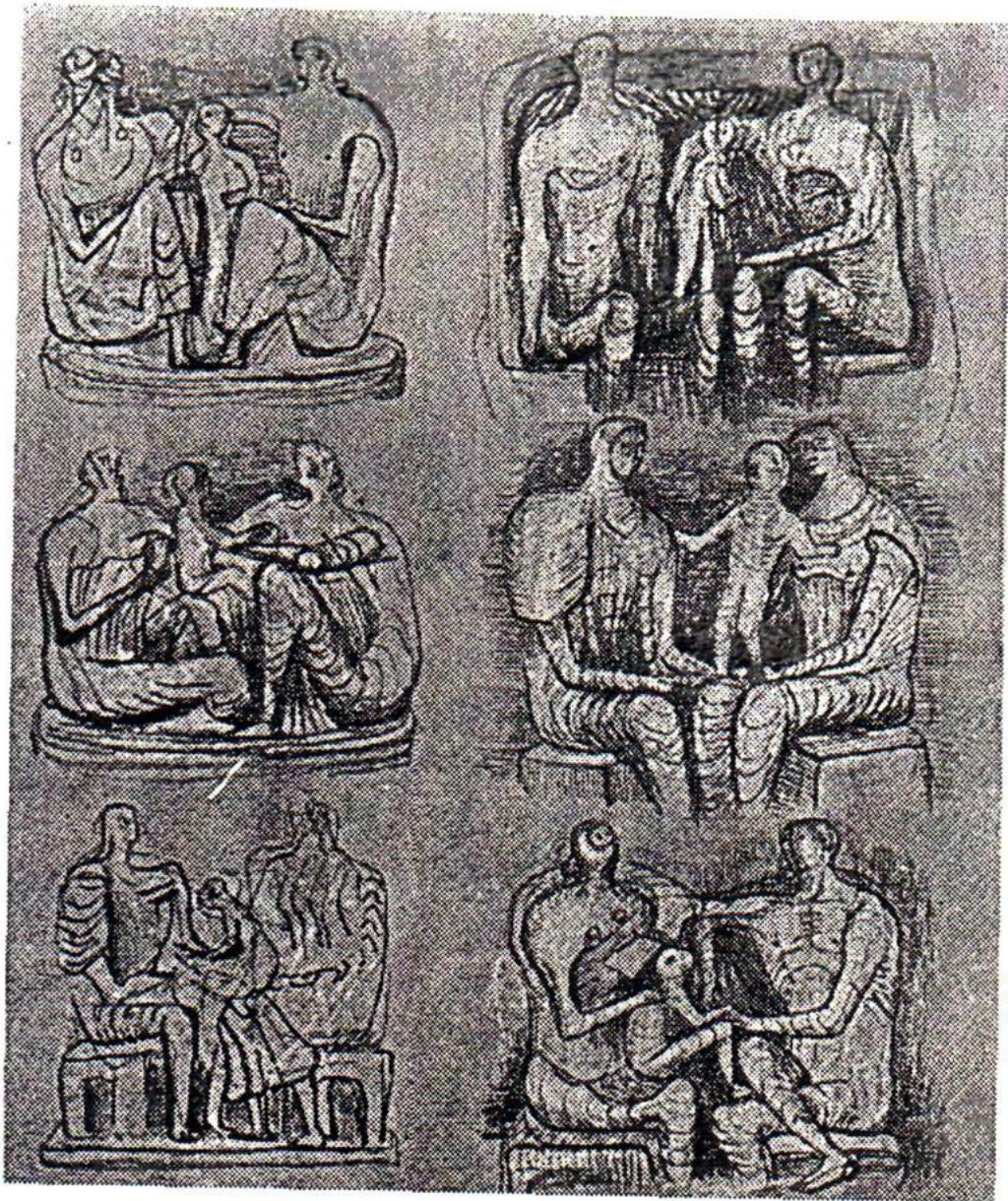
Памяти Ф. и Г. Табачниковых

Спасибо, что ваша квартира
с любимой меня приютила
в те дни, как над нашей судьбиной
общественник реял с дубиной.

Там, кроме котяры лохматого,
нашлись и Светлов, и Ахматова,
еще довоенный Некрасов
и сборник
шукшинских рассказов.

На кухне в плетеном лукошке
картошка была для окрошки.
И лука там было в достатке,
Как будто сегодня он с грядки.

Спасибо за книжные полки,
за рыбу сухую в кошелке,
за строк и приправ сочетанье,
за дух
 очага и читальни!

• • •
Друга с женою его примиряю.
- Он у тебя однолюб, - уверяю.
Чуть не божусь.
А между тем, и к себе примеряю
страсти его.
Не гожусь, не гожусь!

Эта испарина тайных свиданий,
эта избыточность явных страданий,
стоны во сне
Слишком уж пахнут бедою недавней.
Я завязал.
Не по мне, не по мне.

Вот и брожу с этой взвинченной парой,
лист попираю платановый, палый,
высохший сплошь.
Этой утехи рискованной и пряной
знать не желаю.
А вспомнить - чего ж!

• • •
От благолепия земного
в шуме деревьев и дождя
мне перепало немного:
женщина,
 море,
 дитя.

В общем, моя не погасла
звездочка над головой...
Это такое богатство -
море,
 дитя
 и любовь!

• • •

Увидев над тобою ореол,
которого не видели другие,
я за тобою в сумерках побрел,
как будто свыше трубы протрубили.

Я протянул тебе свою ладонь,
и ты смогла
под молодой луною
хлеб преломить,
принять мою любовь,
родить мне дочь
и жизнь пройти со мною!

• • •

В конце суматошного серого дня,
в домашнем непрочном покое
надень это платье заради меня,
то самое...Помнишь, какое?

На улице - первая синь Рождества
и ветки акаций нагие.
Наверное, ты не забыла слова
те самые...Знаешь, какие.

Мы выключим телек и свечи зажжем
и так, в полумраке кукуя,
по стопкам своим разольем не боржом,
а ту, уважаем какую!

• • •
Добра рыбацкая земля,
задремывающая Покровка,
где благоденствует моя
худышка,
пташка,
полукровка.
До сверка аж раскалены
ее очков стальные дужки.

Хохочет на хребте волны
дочь
иудея и хохлушки!

• • •
Замечательно,
что для гнева,
и для молнии, и для грома
ты меня лишь и углядела -
что искать вдалеке от дома!

Ты пленительна и во гневе!
Что сравнить
с такой несравненной?
Так грохочут в бурю деревья,
так режут океаны пеной.

До сих пор удивляюсь дару -
не миндальничать, не годить
и катить свою бочкотару,
что б там ни было,
а катить!

• • •

Жена сказала, носом потянув,
что воздух тепел, что земля парует,
что воробей о ветку чистит клюв
и тут же с воробьиной озорует,
что завтра будет в лоджии весна,
а послезавтра мрак ночной убудет.
А если говорит моя жена,
то как сказала, так оно и будет.

• • •

Л.К.

Когда ты голову склоняешь
над пуговицей от пальто
или слезу тайком роняешь,
чтоб не узрел ее никто,
душа лишается покоя,
и я, твой тихий вздох ловя,
припоминаю "Домостроя"
неторопливые слова.
Забыла?

Чуть велеречиво
они звучали в старину:
жена добра и молчалива -
венец есть мужу своему...

• • •

Безоглядно и тяжко греша,
будь что будет, решается тело...
Только алчет чего-то душа,
и болит, и щемит без предела.

Кровь бушует, прибоем шумит
и забвения просит, как чуда!
А душа все щемит и щемит
и кутенком скулит
из-под спуда.

• • •

О тайне тех свиданий
в запретном том апреле -
хотелось чуть туманней.
чем было в самом деле.
Хотелось чуть размытей -
о бурях отдаленных,
о ходе тех событий
вполне определенных.
Но ты не уступала
чертою ни одною.
Ты сразу проступала
похожестью земною.
Твои смешные речи
твоими оставались.
Твои глаза и плечи
тебе лишь доставались.
Тут все тобою было -
все распри и прощенья...
Ты на корню губила
попытку обобщенья!

ДЕЖУРСТВО В ТИПОГРАФИИ

Людмиле

...Ты колдуешь там, хмуроватая,
локоток на стол положи.
Пред тобою
 с завтрашней датой
непросохшая полоса.

Я-то знаю, как ты, артачась,
дай тебе послабленье лишь,
все на свете переиначишь,
перепишешь,
перекройшь!
1987

ВАСЯ ПТАШКОГРАЙ

Умер Вася Пташкограй,
тихий китобой,
и пришел в ближайший рай,
как к себе домой.
Выбрал облачка клочок,
бросил рундучок
и повесил на крючок
ветхий пиджачок.
Пташкограю - благодать
в облачном краю.
Разве мог он угадать,
как живут в раю?
Он прилежно бил китов
среди вод и льдин.
Он покуда не готов
в небе жить один.
С непривычки нелегко
в зарослях небес...
Как ты, Вася, высоко
все-таки залез!

• • •

Среди высотных поднебесных хижин
плоть весела, а дух опять унижен.

Что нынче к пиву? Шпротину жуете?
А дух опять тоскует по работе.

Друзья, идут осенние дожди,
и мы, глядите, до чего дошли...

Друзья, я пить сегодня не хочу:
я вдруг припомнил: "Исцелись, врачу!"

• • •

Это я так, на полях, между прочим...

Утро завешано сумраком серым,
вместе с дождем мы чего-то бормочем.
Юг замирает с оглядкой на север.

Это я так написал, между прочим.

Мускулатура осенних платанов
напоминает о празднике прошлом,
оземь классическим золотом грянув.

На берегу сиротливая яхта
спит, и форштевень у ней скособочен.
Нужен ремонт, да рабочих нехватка...

Это я так сочинил -
между прочим.

• • •

Слоисто небо, даль хмельна,
озера - на дворе!

Я не люблю, когда весна
приходит в январе.

И мне по-человечьи жаль
детей и журавлей...

Ведь впереди еще февраль
с амбицией своей.

• • •

Скупая графика зимы:
преобладает цвет земли -
почти классическая охра.
И только кое-где снежок
траву поникшую ожег...
(Пора, пора оклеить окна!)

Как веселит хозяйский взгляд
весь этот баночный парад,
компотов и солений проза!
А окна мы оклеим так,
что никакой сюда зимняк
не сунет ледяного носа.

• • •
Загадками не морочась,
размашисто-озорно
с утра расписал морозец
троллейбусное окно.

Не тужась мастеровитей
казаться,
 сметлив и брав,
он действовал по наитью,
и он оказался прав!

...Кто туловом, кто локтями...
...Кто сумки, а кто - кули...

Но листья его летали,
но розы его цвели!

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

Из коридорчика продутого
снежинки валяются и валяются.
Не усидеть у репродуктора!
Такая заверть затевается!
О, лучше уж -
 в снегах свиваемых,
чем в ледяной угрюмой комнате!
...Пурга, беснуясь на развалинах,
нейтрализует запах копоты.

• • •

...Увидеть в окне сыроватый
февральский рассвет сероватый,
услышать, как брешут дворняги,
разбившись с утра на ватаги,

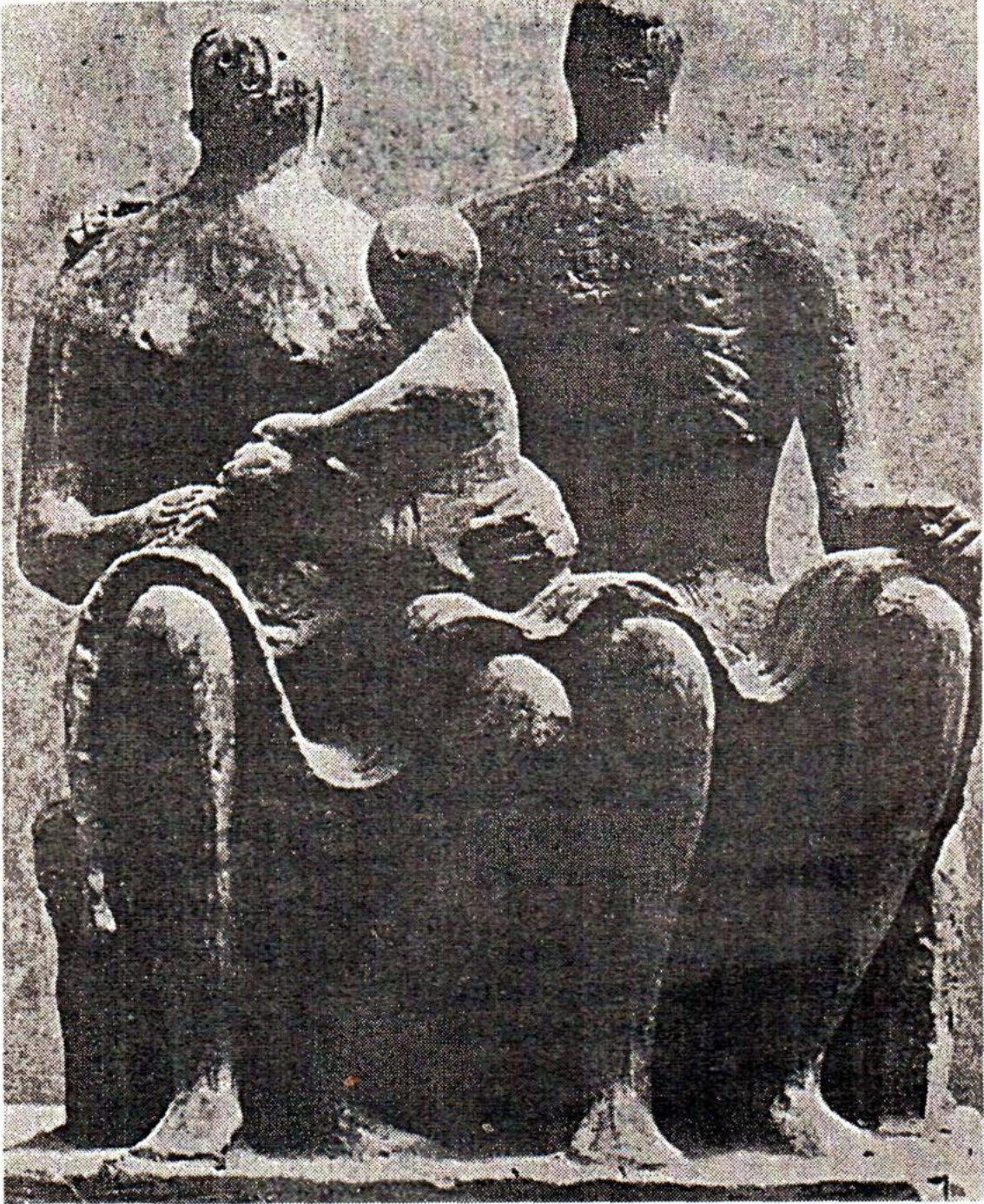
взглянуть на туманные выси
в отрепышах туч безобразных
и вдруг докопаться до мысли,
что жизнь - нескончаемый праздник!

• • •

Слыша шорох стихий законных,
никогда не хотел, не любил
ночевать в городах незнакомых,
привереда, молчун, нелюдим.

Пусть буран, пусть булыжники грома,
но - над кровлей убогой моей:
чувство дома, опять-таки - дома...
Ни родней не найти, ни косней!

• • •

Ты явилась, внученька,
не спросясь, на свет
в дни,
 когда ни лучика
в темном царстве нет.

Люди с места стронулись.
Вопли. Неуют.
Это Божий промысел?
Это Страшный суд!

В этой злой, расхристанной
мгле небытия
ты мой свет единственный,
внученька моя...
1990

СООТВЕТСТВИЕ

Я просыпаюсь ровно в семь,
когда будильник застрекочет,
и сочиняю восемь строчек,
зато они понятны всем.

Так получается затем,
что эти солнечные пятна
и это небо всем понятны,
и этот май
 понятен всем!

• • •
Пройду ли по селу я,
приятственному мне, -
исчезло поцелуя
предчувствие во мгле,

По городскому парку
ночному прошвырнусь,
не вижу слитых жарко
ошеломленных уст.

Забор, плющом увитый,
фонтана сизый пар...

Но я давно не видел
целующихся пар!

• • •
На ночном баштане
звезды - обещанье,
месяц - обещанье...
Если б знать - чего?

Что они вещают?
Что нам обещают?
Что нам сообщают?
Или - ничего?

Но тогда к чему же
льется по окружью
летнего Прибужья
светоколдовство?..

МАЛЬЧИК

В Назарете или Вифлееме
он на свет явился, - что с того!
Но уже пошло тянуться время,
связанное с именем Его.

И садов цветущих наважденье.
и воловий шорох в полумгле -
все отныне от Его рожденья,
от Его начала на земле.

Истовых любовников соитье,
книжника землистое чело...
Жизнь как жизнь.

Но главное событие,
между тем, уже произошло.

...Вот бежит он, мальчик босоногий,
жребия не зная своего.
Вот присел на краешек дороги:
палец занозил.

Но что с того!

ПРИТЧА ПОД ОЛИВКАМИ

...И он сказал им с суши,
с песчаного обрыва:
улавливайте души -
они нужней, чем рыба.

Но те не захотели
внимать словам досужим.
В рыбацкой их артели
с добычей стало хуже.

А он, чудак, твердил им
про души человечьи.
До них не доходили
взыскующие речи.

Какие души, право,
до лова ли такого,
покуда цифра плана
горька и бестолкова?

Он убеждал, отчаясь,
им головы туманя.
У них не получалось
взаимопониманья.

Для всех веков грядущих
с обрыва, где оливки,
он гнул свое -
 о душах,
они -
 о прогрессивке...

• • •
Прекрасна женщина с отзывчивой душой!
Она себя несет улыбочиво и гордо.
Но если рок готов в твое вонзиться горло,
она дает понять, что ты ей не чужой.

Зачем она тебе покорно отдает
и теплую ладонь, и ласковое слово?
В чем милости ее извечная основа?
Хор ангелов тебе об этом пропоет.

• • •
О себе ненароком я думаю сам
на пороге денечка погожего:
"Вот шагаю
такой же, как раньше,
пацан,

с любопытством
гляжу на прохожего".

А случайный прохожий
и в этот же миг
размышляет
почти что по-доброму:
"Вот бредет
задержавшийся в жизни
старик,

а ведь надо
уматывать
вовремя..."

ДИАЛОГ

- Куда ты едешь, милая моя?
- Я еду в запредельные края.
- А ты откуда, ненаглядный мой?
- А я там был. Теперь спешу домой.
- А что - оттуда выезд разрешен?
- Я обманул охрану и ушел,
- верней, сбежал... Там беспредел, беда.
- Напрасно ты торопишься туда.
- Ты огорчил меня.
- Я не хотел.
- Прощай, родной. Здесь тоже беспредел,
- и та же кровь, и та же смерть, родной.
- Одумайся!
- Домой, домой, домой...

МАМИНА ПОДРУГА

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!
Иван Бунин

В воскресный день зайвится чуть свет
и робко спросит маму:

- Гостью примешь?

Пока на кухне надрывался примус,
она, присев на хлипкий табурет,
вела переучет сердечных бед.

И мама до того, как умерла,
давала ей житейские советы,
и старой девы бедные секреты
от лишних пересудов берегла,
и к чаю золотистому звала.

Так быстро прошумел их общий май,
а после - ливни, листопады, вьюги.
На поиски единственной подруги
Вот и она пустилась невзначай...
Рахиль, отрада мамина, прощай!

САША ЧАСТНИКОВ

Одним из соучастников
застойных холостых
был некий Саша Частников,
философ и шутник.

Он был поджарый юноша,
русоволос, румян.
На темы края южного
Он сочинял роман.

Вели дорожки узкие
на избранный Парнас.
Вожди литинститутские
не жаловали нас.

Пришельцы из провинции,
мы раздражали их,
назначенных
провидцами
конца сороковых.

Но некий Саша Частников
строчил большой роман.
Он был из местных классиков.
хоть в грамоте хромал.

Он был таланта мощного
стихийный индивид
и самого Замошкина¹
дерзанием дивил!

А пил -
 так уж без просыпу,
но только иногда.

И отдал душу Господу
в застойные года.

¹Н.И.Замошкин - руководитель семинара в
Литературном институте в 40-50 годах

НРАВ

Приводит доводы он свои,
клеймит ловчил, чинодралов, выжиг.
Меня он выбил из колеи,
из равновесья себя он вышиб.

Я следом что-то свое кричу,
так загибаю - мороз по коже.
Меня он хлопает по плечу,
и я по плечу его - тоже, тоже!

Не крича уже, а сипя,
зверем
 вываливается
 раненым.

...Меряю пульс.
Прихожу в себя.
Что заглотать?
Может, реланиум?

НЕОРЕАЛИЗМ

Сбегу с уроков, разобьюсь в лепеху,
а на сеанс проникну все равно...
Кто избежал,
 скажите,
 в ту эпоху
соблазна итальянского кино?

Бесхитростно, тревожно и опасно
кипела жизнь трущоб и площадей.
Кинематограф горлового спазма,
квадрат надежды.
хроника страстей!

• • •

Человек отдыхает в гробу.
Он недавно роптал на судьбу,
а роптал, потому что плохая.
Стало хуже, твердил он, кино,
стало суше сухое вино,
и за все он правительство хаял.

Трубы медленно поднял оркестр,
замолчали деревья окрест,
шумный двор поутих на мгновение.
Что судьба, что вино, что кино?..
Понимаешь печально одно -
это все ему нынче до фени.

Мы склоняемся грустно над ним,
мы благие слова говорим
этим всепримиряющим утром.
...Но должно быть чудесным вино,
и непресным должно быть кино,
и правительство - честным и мудрым.

• • •

Он приехал, твой старый медлительный друг,
но у старого друга есть старый недуг:
он приехал, но сразу не станет звонить,
чтоб достоинство спешкою не уронить.
Покемарит с недельку в квартире отца,
бутылек самогонки допьет до конца,
со столицей свяжется, то есть, с женой:
"Как там отпрыск тусуется с местной шпаной?"
ворох южных газет долистает, кривясь, -
чистой речи не слышали тут отродясь!
И, обдумав, что скажет, уже наперед,
неторопко-валяжно тебя наберет...

• • •

Сколько жизней было у меня,
я и сам, наверное, не вспомню.

Кто это бежит в начале дня
босиком по хлопковому полю?

Кто смолит на битых кирпичках
злую самокрутку в одиночку?

Кто несет по маю на плечах
глянцевую праздничную дочку?

Кто на красный на запретный свет
движется рассеянно и грузно?

...И глядит последней жизни вслед
трепетно, растерянно и грустно?..

10 МАЯ 1945 ГОДА

Этот день разгорелся такой мировой!
Расхлебали мы кашу второй мировой
и оплакали мертвых на тризне...
Постояли без шапок на скорбном юру
И тотчас заварили на майском ветру
кашу новой неведомой жизни.

У реки уже сварка трещала, дрожа,
крутобокая там вырастала баржа
и меняла раскладку в пейзаже.
Ее завтрашний облик уже проступал
сквозь весенний, туманящий головы пар
цеховой круглосуточной каши!

БАЛЛАДА АДРИАНА

*Памяти А.М. Топорова, великого педагога,
автора книги "Крестьяне о писателях"*

1.

Покуда степь дремала,
учителя-изгоя,
смутьяна Адриана
везли из Подмосковья.

Везли его далеко.
все в сторону востока,
быть может, до Иркутска,
быть может, до Якутска...

А нарекли смутьяном
учителя простого
затем, что он крестьянам
толмачил Льва Толстого.

Он Пушкина и Фета
читал им при коптилке.
За самое за это
и оказался в ссылке.

...Уже в иную пору
родного государства
он рассказал мне, хворый,
про все свои мытарства.

Он шел не в ногу с веком,
был плотью - не металлом,
но в преисподней
экам
Есенина читал он!

Больничная палата,
ко сну готовясь рано,
была концом баллады
смутьяна Адриана.

2.

Киношников влекла к себе природа
и звал объект, где планы претворялись.
Я говорил: - Снимайте Топорова! -
Не слышали. А, может, притворялись.

В сталелитейном
сталь была багрова.
Над стадионом
мяч звенел в зените.
Но я твердил : - Снимайте Топорова,
и хватит врать, что пленка в дефиците.

Уже топтался август у порога,
и теплый дождь над городом качался,
а я кричал: - Снимайте Топорова!

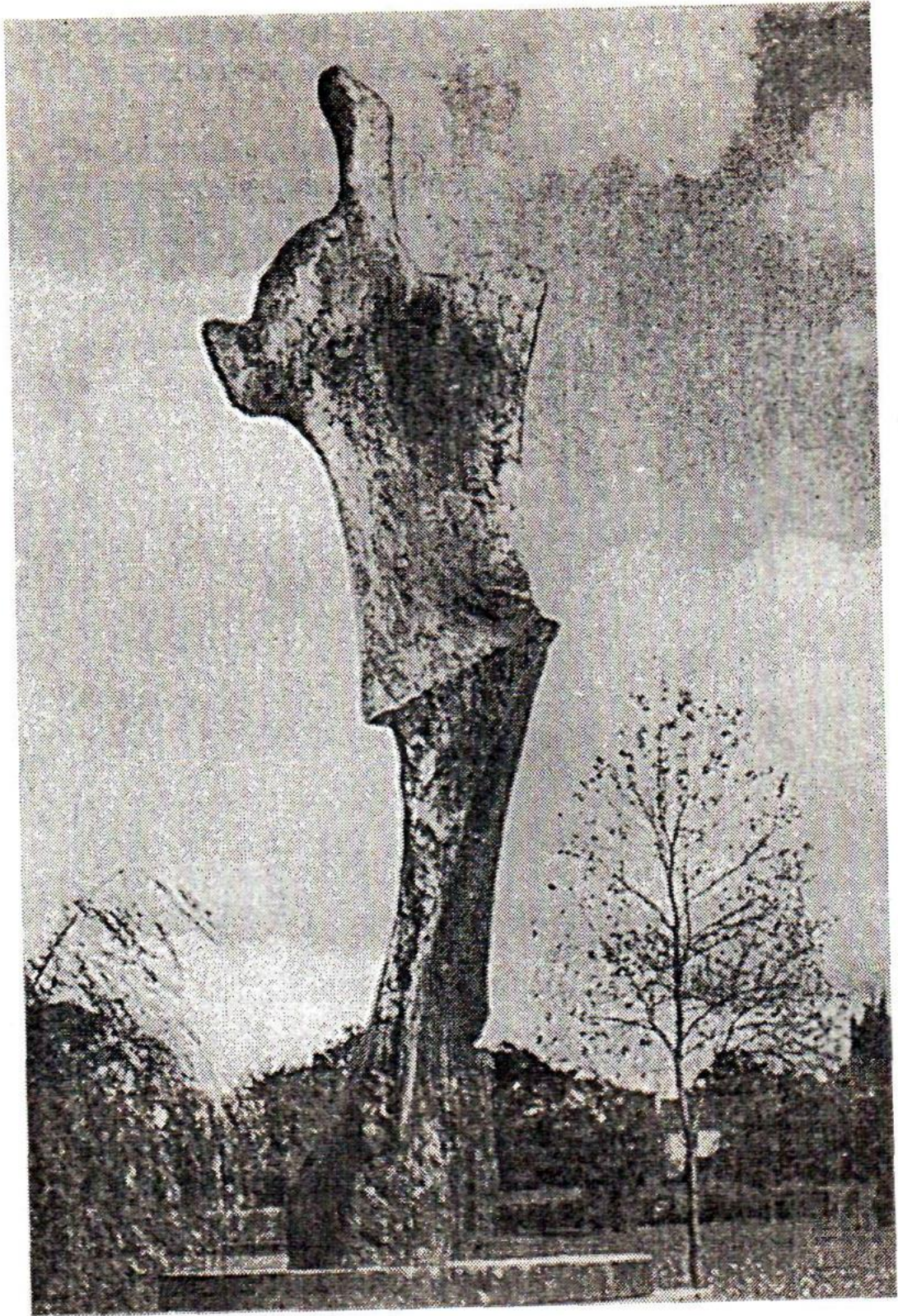
...И судя по всему, не докричался.

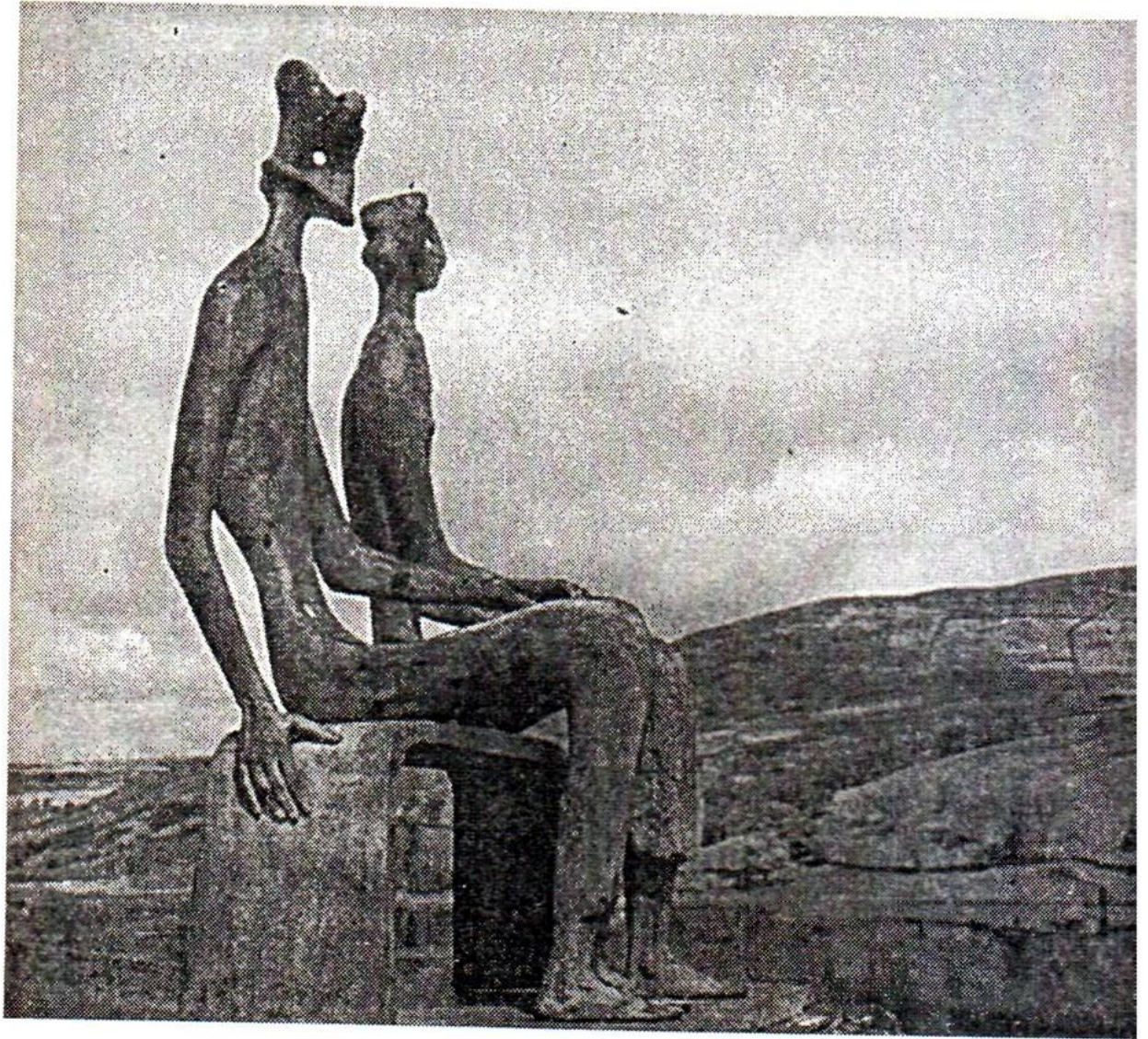
• • •
Я в долгу перед всеми!

Родня
ненавистно глядит на меня:
не принес на рассвете лекарство,
а доставил к полудню его,
нет ничтожней меня никого.
Заклеймить негодяя и - баста!

Заменяв неотложку и жэк,
Все равно я дурной человек,
скудноват мой практический навык.
Я дождался бы, может, хвалы,
кабы вдруг перебрал все полы
и замки еще врезал вдобавок.

Впрочем, что я такое несущу?
Не накликать бы снова грозу!
Я успею, не бейте тревоги.
Я троллейбуса только дождусь,
я смогу, я в ремстрой дотащусь,
я врача запишу по дороге...

• • •

Он расскажет в своих мемуарах
о знакомцах - о новых и старых,
и еще о дешовке одной.
с разлохмаченной рыжей копной.

Он напишет о радостях книжных,
о былых возлияниях лишних
и о рыжей шалаве, о ней:
сколько отдал ей бабок и дней!

В мемуарах найдут себе место
сослуживцы из Риги и Бреста,
ну, и эта... чья пышная грудь
может мертвого к жизни вернуть.

Он вспомнит друзей бескорыстных.
с кем встречался на свадьбах и тризнах,
и, конечно, сторицей воздаст
той, что даром и мужу не даст...

• • •

В грядущий день вчерашнюю строку,
хоть и клянусь, а все же волоку.

Висят, как гири, на моих ногах
вчерашние растерянность и страх.

Пророк вчерашний, что скажу меж строк?
...И может ли вчерашним быть пророк?

• • •

Жизнь была фальшива и гнусна,
но - стучалась в форточку весна.

Предавал восторженный холуй,
но спасал греховный поцелуй.

Кто б твоей судьбой ни помыкал,
но сосед советом помогал.

...В общем, совершалось что-нибудь,
чтобы ляжку далее тянуть.

НАСТРОЙКА ОРКЕСТРА

Мы строили суда, и клеили обои,
и мало чтили вас, валторны и гобои,
Но тягу к небесам куда в итоге денешь?
И гаечным ключом
скрипичный не заменишь.

ПОЛЕМИСТ

Он полон нервной страсти,
он в спорах даровит.
Он даже слово "здрасьте"
с подтекстом говорит.

Статью передовую
читает он с конца.
- Не пойте аллилуйю
команде подлеца!

- Не сессия, а порно -
марионеток хор:
так долго, так упорно
нести с трибуны вздор!

- Тут нужен правды витязь,
борец, а не балласт,
такой, что если выдаст,
то уж, конечно, даст!

- Ох, нас еще потешат
такие мужички...
...И яростным подтекстом
блестят его зрачки.

ДВА ПОЛЯКА (1943)

Два поляка лежали со мной на траве,
обратясь ко звездам, голова к голове.
И один, тот, которого звали Матвей,
рассказал нам о стрыйской девчонке своей,
А второй, если я не забыл, - Михаил,
тот амурсы свои от друзей утаил,
но заметил, застенчив и крупноголов,
что мечтает вернуться до матки - во Львов...
Этот шепот ночной, эти польские "пше"
шелестением трав отзывались в душе.

Но судьбина уже через месяц-другой.
их постригла и жестко поставила в строй...
...И пошли Михаил и Матвей по войне -
до коханой, до матки, к родной стороне.
Под ногами шаталось,
за речкой рвалось -
и вторично постричься
им не довелось.

• • •
...Но эпоха повального зла
усекла злободневность момента
и отвратное что-то внесла
даже в этого интеллигента.

Лжет,
 юродствует,
 глазом косит.

А ведь как
диссидентски
светился!

До чего же дошел, паразит,
до чего докатился.

• • •
Когда выходит с красным знаменем
на площадь Красную старик,
он просто требует признания
того, что жизнь его не пшик.

Стоит он шумно рядом с Лениным,
бедняк, романтик и фантаст,
и молодому поколению
химер державных не отдаст.

...Какою легендарной всячиной
запудрены твои мозги,
старик,
 святой и одураченный,
стоящий посреди Москвы!

УЛИЧНОЕ

Вот поймал мужика: - Сколько лет! Ну и ну!
И пустился выкладывать душу ему.
До чего же знакомец попался живой,
он подхватывал тему, кивал головой.
Он согласен, что слово сейчас за селом,
он решил одолеть сочиненье "Псалом",
он, как я, с января не читает газет:
и желания нет, и возможности нет.
Мы успели еще относительно цен...
Любопытное время - пора перемен!
Очутились у булочной, и в полутьму
удалились, махая, он - мне, я - ему.
На меня он поглядывал издалека
и держал, разумеется, за дурака.
1992

• • •

Этот памятник красным маевщикам
установлен у нас в Лесках...
Как стоят под чистым полотнищем!
Как воззванье дрожит в руках!

Для того ли они боролись,
с ног и прах отряхая и грязь,
чтобы рядом, в кустах, поролись
жлоб с жлобихою,
не таясь?

• • •

Трусоватая лира моя
не потребна ни граду, ни миру.
Не пора ль топором эту лиру,
на десятки кусков
раскроя!

Так ведь нет! Зажимаю колок,
проверяю, насупясь, звучанье,
от толпы заслоняю плечами,
бормочу: "Ничего, дайте срок..."

НА ДАЧЕ ДРУГА

Хотя и глаза нагляделись,
хотя и рукам было жарко,
какой из меня земледелец?..
Смешно оно, если не жалко.
С того-то и помню, однако,
в фураге, в рубахе, лобастый
селянский портрет Пастернака
с упершейся в землю лопатой.

ЕВРЕЙСКИЕ ТАНЦЫ

Андрею Антонюку

Костя Еремеев,
русский юдофил,
пляшущих евреев
рисовать любил.

Пол надсадно ахал,
все вокруг тряслось,
полы лапсердаков
разлетались врозь.

Скрипочка любезно
так старалась тут,
что, казалось, пейсы
сами в пляс идут.

Но, незримо рея,
призрачная пусть,
от его евреев
наплывала грусть.

Рукавами машут,
взорами блестят,
вон как лихо пляшут!
А грустят, грустят.

Стонут половицы,
плинтуса хрустят,
багровеют лица
и - грустят, грустят

Не заметишь сразу,
не ответишь сразу:
если так пляшется,
почему -
плачется?

УЖЕ И ПОШУТИТЬ НЕЛЬЗЯ

Купить бы мне восстановитель
для волос.

Достать бы мне остановитель
бегущих лет.

Надыбать где-то выпрямитель
для спины.

А заодно и удлинитель...

Зачем?

Затем!

• • •

Долетают реплик отголоски:

- Шутки метра, между прочим, плоски!

- Шутки - ладно, шутки - это мелочь,
раньше за душой кой-что имелось,
а сегодня...

- Уж не говорите:

пуст, как жбан!

- Но это не открытье,
а открытье то, что лезет в споры
и нравоучает всех подряд. -

...Вот какие разговоры
за моей спиной говорят.

БЛАТНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Время не пригасило,
и сохранила молва.

Этого сукина сына
звали в народе
"Москва".

В синей ходил телогрейке
с кодлой своих прихлебал.
Тискал девах на скамейке,
водку в яхт-клубе хлебал.

Воздух в оттаявшем мире
все еще волей пьянил.
Где он устроился? В тире.
Зайцев жестяных чинил.

Львов и медведей на мушку,
щурясь, брала пацанва,
если давал ей воздушку
великодушный
М о с к в а.

• • •

История, была ты
не только полем боя,
не только щит, и латы,
и знамя боевое.

В селениях забытых,
в густой толпе вокзала
дышала нам в затылок
и локтем задевала.

• • •
Три месяца я не касался газет -
лежат на балконе пожухлою пачкой.
Теперь их куда?
Вероятно, в клозет.
А можно в утиль,
если вывезти тачкой.
Как все омертвело в газетных столбцах!
Как веет от новости Древним Египтом!
Как выстыло все, что строчилось в сердцах!
...Ужели когда-то и кто-то погиб там?

СЛУЦКИЙ НА СПЕКТАКЛЕ "МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА"

Антракт - это фанта, пирожное, кофий,
петлянье неспешное по коридорам.
Там Слуцкий расхаживал с Таней Дашковской
и с кем-то еще (может быть, с режиссером?)

Он что-то отбрасывал резкой ладонью
и что-то доказывал, морщась устало.
Походка была у него молодою,
но тело с походкою конфликтовало.

Хоть Слуцкий питал ко мне некую слабость
(ну, если судить по обмолвкам в печати),
я все же испытывал тайную сладость,
избавив кумира от рукопожатий.

А издали, что же, а издали можно
за ним восхищенно следить помаленьку.
...Вот под руку взял он жену осторожно,
чтоб ногу поставила та на ступеньку.

ДУХОВНАЯ МЕККА

В припортовом краю мужики
любят всласть почесать языки
в толковище у винных отделов.
Я и сам, между прочим, не прочь
воду в ступе усердно толочь,
оппонентов горластых "приделав".

Тут козлов-обывателей нет -
ежедневный Верховный Совет,
или - как там? - духовная Мекка.
Каждый мнение высказать рад,
ибо каждый, считай, делегат
от подъезда,
от дома,
от жэка.

• • •

Когда мы скажем напрямик,
где деготь,
а где мед,
нас кто-то сразу не поймет,
но кто-то и поймет.

Когда мы именем своим
все вещи окрестим,
наверно, кто-то загрустит,
но мы - не загрустим.

Тут оступиться, отступить
нельзя нам
ни на шаг.
Иначе нас не так поймут,
а надо - *чтобы так!*

• • •
Эти лица двадцатых годов,
окуляров судейские линзы.
Странный мир, что взорваться готов
от гремучего максимализма.

Эти взоры, не знавшие слез,
непокорные пуле и лиху,
летописец резонно занес
в поминальную Красную книгу...

Тут и соль иронических фраз,
тут и лозунг души громогласной,
и расстрельная кровь - прямо в грязь! -
в этой книге, поистине Красной.

• • •
Был ночью я мучим бессонною болью
и мыслями вновь возвращался к застолью -
вчерашнему, зряшнему, в общем, к тому,
где было, наверно, мне быть ни к чему...
Похлебка не та на конфорке варилась,
и пелось не то, и не то говорилось,
и кофий, ошпарив смакующий рот,
не тем оказался. Тот кофий - не тот!
Я был там на фразы дурацкие падох,
и шутки мои выпадали в осадок,
и этот осадок, как рана, болит,
и душу мытарит, и спать не велит!

ОЗЕРО

Вот и заморозила
матушка-природа
крохотное озеро
около завода.
Где ныряли утицы,
крякая негромко,
там сегодня крутится
синяя поземка.
А к заводу лепятся
наши жилмассивы,
и бегут троллейбусы,
и гремят машины...
Здесь была окраина,
но давно,
а ныне
в лед озерный впаяны
емкости стальные.
Как завод с оттяжкой
даст своими пневмо, -
рыба - даже спящая -
вздрагивает нервно...

ВОСПОМИНАНИЕ О КОВАЛИХЕ И ЕЕ СЫНЕ

Когда ждали восторженно мы
тех солдат, что война не скосила,
Ковалиха ждала из тюрьмы
шелапутного младшего сына.

Он вернулся, нахохленный птах,
в пиджачке казахстанском потертом.
...На каких грузовых поездах
замели его в сорок четвертом?

Что он там побросал на пути,
что успел уволочь он в охапке,
если дело пришлось завести
на четыре судебные папки?

С той поры, как приспела беда,
обстоятельно и аккуратно
Ковалиха писала туда,
где поют под звездою куранты.

Видно, дрогнуло что-то в душе
у вождя трудового народа.
И в итоге - на редком дожде
сын возник у родного порога.

Ковалиха прижалась к нему,
у плеча поревела недолго.
Не спросила его про тюрьму,
а про то - как добрался до дома.

Он склонился мальчишеским лбом
над родительской щедрою миской...
Он в казенный отправился дом,
чтоб скорее уладить с пропиской.

Кто придумал, что он уркаган?
Жаль расходовать нервы для спора.
Посмотрел он "Малахов курган"
и, конечно, "Багдадского вора".

А потом
 посредине двора,
тощеват, но от холода розов,
нашим вдовам колол он дрова
накануне снегов и морозов.

Топором залихватски играл
так, что чурки скакали и тенькали.
А десятки-тридцатки не брал...
(Тут указано старыми деньгами).

УТРО НА КИНБУРНЕ

Берег молочной туманностью сжат,
розовоперстые чайки визжат,
как на базаре хозяйки.

Крики наносит с морской стороны,
крики слышны, а они не видны,
розовоперстые чайки.

Вдоль побережья - медузная слизь,
море в тумане, а горняя высь
вся уже глазу отверста.

Розовоперсты верхушки маслин,
солнце сияет с небесных вершин
смутно и розовоперсто!

• • •

Есть в этой картине,
где, в общем, сюжет пустяков,
слеза без сиропа,
живое дыхание плоти...
Выходит, Джиротти
играет уже стариков?..
Подумайте только -
тот самый красавчик Джиротти!
Еще он играет
почти, как и прежде, играл.
Еще он силен.
У него, что задумает, выйдет.
А зритель тот самый
глядит и глядит на экран:
он видит актера.
Себя он, по счастью,
не видит.

ДО ПОЛЕТА

Ощущенье сильного крыла,
высоты, охватности планеты -
вот что значат в ящике стола
письменного
 авиабилеты.

Окна дома на реку глядят,
за оградой дышит дуб матерый.
Но - невидимые - гудят
авиационные моторы.

Путь воздушный невесом, как свет.
он какой-то облачно-бугристый,
солнечным сиянием укрытый...
Легкий, словно авиабилет.

ПАМЯТИ КОНСТ. СИМОНОВА

Александр Сизоненко

Из беды меня вытаскивали
и притом не одна
чуть картавые, солдатские,
справедливые слова.

Чтоб безвременьем не мучатся,
мог страничку я прочесть
и увериться, что мужество
не у всякого, но - есть!

Пусть вопят витии разные,
что кумир мой - временщик,
я менять свои пристрастия
в одночасье не привык.

• • •
На склоне сумрачного дня,
когда за рощей стонет нежить,
уже и музыка меня
не может, бедная, утешить.

И кажется, она вот-вот
прощения за то попросит,
что музыкой еще слывет,
но к Богу больше не возносит...

• • •
Он напоминает сразу всех
из того - разгромленного - стана:
Зощенку, Олешу, Мандельштама...
беглая улыбка,
грустный смех.

Любит он по улицам бродить,
где бродили названные тени.
Нету на него Постановленья -
заклеймить, затюкать, запретить!

Запоздалой гласности дитя
молодым, увы, уже не будет
и о бардаке вчерашнем судит
незлобиво. Чуть ли не шутя.

ОБЛАКА НАД ЗЕМЛЕЙ

Четыре монолога Миклоша Радноти

Леониду Первомайскому

*...и буду я убит за то, что не
жесток,
и потому что сам я не убийца!
Миклош Радноти*

ОТ АВТОРА

Работая над циклом, я чувствовал заинтересованную поддержку Леонида Первомайского.

О трагической судьбе венгерского поэта Миклоша Радноти (1909 - 1944) он писал мне:

"Вот как это получается: сначала гибель, а потом уже известность, признание, слава, переводы на другие языки, памятники... Только не покорствуя участи своей, человек и поэт может утвердить себя в мире".

Радноти не принял режима, не стал соглашателем, не согнулся. Это тоже ведь подвиг - не принять. В дни, когда принять, кажется, так просто...

1. ОТКАЗ

Не есть из ваших рук,
не пить из вашей чаши...
Плутая без дорог,
в гнуснейшие дела
не вмешиваться ваши
даю себе зарок.

Доносов не строчу,
не делаю карьеру,
не лаю у мосла.
Единственное что -
хочу измерить меру
достоинства и зла.

За то, что коркой сыт
и строчкою утешен,
я ненавидим так,
что на любом суку
могу я быть повешен,
как чучело и знак...

Но прохриплю и там
уже при смертном часе,
всех выше становясь:

- Не ел из ваших рук,
Не пил из вашей чаши -
не ваш, не ваш, не ваш!

2. ОБЛАКА ВОЙНЫ

И вот я услышал, мол, в облаках витаю.
Витаю в облаках - хула иль похвала?
Витаю в облаках - кого же там выдаю:
архангелов хоры иль ангелов крыла?

Нельзя ли перейти, любезные, на прозу?
Я небожитель? Нет, в том небе я не жил.
Витая в облаках, узрел я бомбовозы,
меня утробный гул моторов оглушил.

Кресты на крыльях. Так. Гляжу. На ус мотаю
Вошли в пике. Гудят. И думаю пока:
не слишком ли легко я в облаках витаю,
когда швыряют смерть на землю облака?

Воочью увидал повадку я вандалью -
внизу цвели сады, теперь - одна зола,

Спустился с облаков и больше не витаю
в тех облаках, где смерть гнездо себе свила.

3. ЧЕРНОВИК БЕЗ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

глухою полночью на стареньком диване
не в лагерном бараке
 рядом с Фанни
не за колючкой ржавой
 рядом с Фанни
и с этими полночными стихами
еще словами не хрипящим стоном
прислушиваясь к рыжим водостокам
рокоcut ропщут плещут как живые
еще пока не псы сторожевые
за окнами
 а мокрые дворняги
и рядом Фанни
 и клочок бумаги
с последней рифмой и строкой последней
и каплей дождевой уже не летней

глухою полночью
 пижама полосата
п о ч т и к а к т а м
 и трубы полусыто
урчат как будто сонные овчарки
но рядом Фанни чьи объятья жарки
не за колючкой ржавою
 колечки
ее волос и теплые коленки

без всякой там мудреной подоплеки
еще шепчу горячечные строки
но в каждом поцелуе
в каждом слове
так ощутим соленый привкус крови

(доработать в лучшие времена)

4. ИЗ НЕОТПРАВЛЕННОГО ПИСЬМА ЖЕНЕ

Человек не сдает, не сдается,
согревается возле золы,
Потому что еще остается
запах снега
и запах земли.

Сожжена и растоптана память,
руки скручены грубой пенькой.
Но сосулька
не вовремя пахнет
мокрой крышей
и вольной рекой.

Человек не сдает, не сдается
ни решеткам и ни палачам,
потому что еще раздается
соловьиная речь по ночам.

Среди смерти глухой и уездной
и почти неотвязной
смотри,
как нас держит над кромкою бездны
ненадежная кромка зари.

Человек не сдает, не сдается,
и хотя обрывается нить,
ничего ему не остается,
как не сдать,
и не сдаться,
и жить...

Он и трижды ресстрелянный встанет
над нескладной судьбою своей.
Снег растает,
И душу расправит,
и прольется в ночи
соловей.

ОХОТНИЧЬЯ ПРИТЧА

Только раз меня взял на охоту сосед,
мы притопали вместе к болоту чуть свет,
и тотчас же во рту стало сухо -
прошумела над нами лысуха.

И сосед от волнения даже присел,
самолично лысуху он взял на прицел
и ударил, аж треснуло что-то,
так, что птица свалилась в болото.

А попозже в порыве нахлынувших чувств
он повесил свой брыль на рябиновый куст
и промолвил: - По этой мишени
садани-ка разок в утешенье.

Я обиделся, молча обиду сглотнул,
покатал желваки я для виду у скул.
Долго целился. Но - промахнулся.
Так ни с чем я с охоты вернулся.

• • •
Эта сосенка на супеси,
завлекая и пьяня,
никогда еще насупившись
не глядяла на меня.

Эти два куста смородины,
примостившись в стороне,
"третий лишний"
не сморозили
ни разочка обо мне.

Ни единая травинка
не повздорила со мной.
Был я кровная кровинка
этой прелести земной.

ВО ИМЯ ЧЕГО

Стрекот пишущей машинки
на исходе дня:
дверь балконная открыта
в доме угловом.
Видно, там сидит такой же
графоман, как я
и строчит о самом главном,
самом болевом.

Лишь тогда оно и стоит
в буквицы стучать,
Коль не печься днем и ночью
и опять с утра
ни о лаврах, ни о том, как
продвигать в печать,
только веруя в победу
света и добра!

ДО ВОЙНЫ

О дядьке, что упрямо
кривил в усмешке рот,
мне прошептала мама:
- Вон пьяница идет...

И я смотрел со страхом,
вцепясь в ее подол,
как медленным зигзагом
он улицею брел.

Была его походка
развинчена вполне.
- Его сгубила водка, -
сказала мама мне.

- До точки докатился!
Почти приблизясь к нам,
он к маме обратился
изысканно: - Мадам...

И так он интересно
о чем-то бормотал.
Хотел держаться трезво
но хмель его шатал.

Захвачен этой сценой,
толпился у ворот
наш строгий,
довоенный,
жилкоповский народ.

Как дядька куролесил,
глазели всей гурьбой
электрик, прачка, слесарь
и частный врач зубной.

Не зная снисхожденья,
тут все до одного
соседи
с осуждением
смотрели на него.

• • •
...И был по-особому добрым
и ясным

 обзор круговой.
Шиповник алел,
не обобран,
над самой моей головой.

Согретая пела пичуга -
аж голос от счастья свело...
И ждал я подобного чуда
полвека каких-то
всего.

ПРИМЕЧАНИЕ К СЛОВАРЮ

Словарь толковый, а пометы в нем
порой не так толковы...Что поделать!
Я вдруг набрел на слово "волоокий".
Какая мощь в звучании самом!
Сравните:
"глаза, как у вола" и "волоокий".
Несравнимо!
Но рядышком удобно примостилось
помета в скобочках - у с т а р.,
что значит "устарелое".

 Выходит,
на пенсию спроважено уже,
пусть, дескать, от работы отдохнет.
Но вот что интересно,
чуть пониже
пример из Пушкина,
который ту помету
бьет на голову, повергает впрах!
"Великий Зевс с супругой волоокой".
Коль можете,
скажите современной!

ЗАМЕТКА О СЕНТЯБРЕ

Зной израсходован, прожит,
летняя хмарь за бугром.
Видите яркую прожелть
в купах платановых крон?

Это пока межсезонье,
первых туманов шитье.
Дыни уже на балконе
и на баштане еще!

• • •

Татьяне Богдановой

Последняя листва
не хочет быть последней,
хотя уж холодов
приблизился канун.
Чернильный баклажан
пылится в кухне летней
и - к праздничному дню
оставленный кавун.
Прощальная лазурь
не так целит, как ранит,
но все-таки игра,
наверно, стоит свеч.
Но праздник все равно
придет, наступит, грянет,
иначе для чего
такой кавун беречь!

• • •
Будем рощицу эту беречь
неказенным вниманием пристальным:
ведь она -
та же устная речь,
только явлена
шорохом лиственным.

Будем чаще захаживать к ней,
чтобы слышать душой покоренною
то же слово,
но в скрипе корней,
ту же песню,
но свежую кроною!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

...Но из смятения и мук,
но из предчувствия дурного
родится робкий, темный звук -
наметка завтрашнего слова.

Все тот же, в сущности; сюжет
под тем же самым зодиаком:
опять, окутанная мраком,
душа
выбрасывает
свет!

ДОРОГА НА ПЛЯЖ

...И пятна барвинка синели,
И стайка резвилась скворцов
в кладбищенской пыльной сирени
и меж потемневших крестов.

И мрели июльские дали,
и мглой застилали глаза.
А с пляжа уже долетали
пронзительные голоса.

Одной мы трагедии дети,
и с вечностью накоротке
и те,
 кто купается в Лете,
и те,
 кто в Ингуле-реке.

ИЗ ПИСЬМА

"Я хочу, чтобы это прочли вы:
из потешного стал я бранчливым,
из веселого стал я занудным,
для родни и приятелей трудным,
я вклиняюсь в соседние речи
и стою на своем, хоть режьте,
про себя я уже отмечаю:
чаще нужного нравоучаю,
чаще нужного в менторском стиле
хрипловато ору "или - или!"
И по будке бегут уже пятна...
До чего же все это отвратно!

• • •

Графика грабов, осевших сугробов пастель,
масло оттаявших крыш.
Это настойчиво нас вызывает апрель,
зябок и молодо-рыж.
Там он, за мартом, за болью последних утрат
и примороженных фраз,
но на себя уже тянет-потянет канат
и перетянет как раз!

• • •

Надо б, конечно, послать его на фиг,
щелкнуть замком перед носом его.
Вот побратался с таким уж отряхой,
что презираю себя самого.

Да, но зачем-то она существует
злая энергия в теле худом.
Воля-то горняя осуществляет
каждый нелепый его закидон.

Вот он глядит на меня исподлобья,
сильно устав от ментовских опек.
Божье создание, божье подобье...
Непросыхающий, но - человек!

• • •
С утра холодрыга и бездорожье,
но что мне до этих стихийных дел!
Я жил при хорошей погоде тоже:
и солнышко грело, и шмель гудел.

Листал на природе мудрые книги,
дышал ветерком пшеничных полей.
А что касается холодрыги, -
спасибо за редкую рифму ей!

СБОЙ РИТМА

Я объясняю грустно
коллеге моему:
- Пойми, что это гнусно!
А он:
- Когда-нибудь пойму.

Я лезу вон из кожи,
запальчив, как никто:
- На что это похоже?
А он:
- Вот и скажи, на что.

Я говорю: - Святые
понятия топчут все,
но ты - трибун, вития!
А он:
- Я с большинством в родстве.

Не разойдемся чинно,
не сговоримся, нет,
я - старый дурачина
и он -
мой трезвый оппонент.

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЖАВОЮ

Свистки маневровых паровозов
(с неизменным на "е" ударением),
Формирующиеся составы,
запах каменноугольного дыма,
слитный грохот цистерн крутобоких,
пар, пластающийся по рельсам.
колеса, котовые, сговорившись
со стыками (как не сказать - "стакнувшись?"),
могут выстукать любые рифмы, -
все это разом тогда слагалось
в образ могущественной державы,
в образ державности,
 почему-то
связанной
 с пасмурным предвечерьем...

• • •

Конский след среди снежного поля,
конский след и - вдали деревцо.
Но какая свежайшая воля
окатила лицо!
Примеряюсь к пространствам зыбучим
с ощущением бьющихся крыл
в мастерской, где блаженствовал Пушкин
да и нас поманил...

ЧИТАЛ!

Не писатель, а пишущий человек,
не задумывался ни разу,
сколько читателей у меня.
Сто? или двести? а, может, триста?
Триста трудно даже представить.
Но одного достоверно знаю!
Он рукою издали машет.
Он улыбается через дорогу.
Он замедляет шаг.
- Читал! Читал! -
на ходу восклицает,
имея в виду подборку в газете
или в журнале (гораздо реже).
Читал! Читал! -
и исчезает за поворотом...
Я провожаю его глазами
оглушенно и благодарно.
Собственно, я и пишу для него,
чтоб услышать
знакомый голос на перекрестке:
- Читал! Читал!

ПОСЛЕ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

- Родная, ты выходишь?

- Конечно, выхожу!

...Какая это радость -
идти тебе навстречу
и предвкушать заранее,
что я тебе скажу,
гадать, о чем ты спросишь
и что тебе отвечу,

Томиться в нетерпенье
все там же на углу,
напротив "Канцтоваров",
под вывескою "Книги",
и пристально глядеться
в мерцающую мглу -
не пропустить бы шубки,
приобретенной в Риге!

Не пропустить бы шубки,
и светло-карих глаз,
и челки, где сединки
все гуще и заметней.
Не пропустить бы счастья
хотя б на этот раз -
последний-распоследний,
последний-распоследний...

О ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ (1941)

Какой лирический герой?
То я в теплушке,
и за меня
стоят горой
в лесочке - пушки.

И бомбы, душу леденя,
визжа и воя,
несутся с неба на меня -
не на героя.

И совершаю я бросок
в кипящем смерче
в ту кукурузу,
в тот лесок,
где меньше смерти.

Я забиваюсь с головой
во мглу лещины...
Забыл лирический герой,
что он мужчина.

Какой лирический герой!
Да тот бы, видно,
себя и вел бы, как герой,
не так постыдно.

А это я вовнутрь куста
почти вгрызаюсь
и молча замираю там,
дрожащий заяц...

• • •

Раньше, право же, было проще:
примостил у ноги рюкзак,
и уже -

 виадуки, рощи,
реки

 пляшут в твоих глазах.

Паровоз, тормозя, присвистнет,
пар вдоль насыпи поползет...

В рюкзаке -

 полстранички жизни,
вера в крылья и горизонт.

Ну, а нынче-то

 в чемоданы
утрамбовываешь в поту
и вчерашнего дня обманы,
и сегодняшнюю туфту -
мысли, высказанные поглаже,
смелость с росчерком "разреша..."

И от поздней этой поклажи
стонет согнутая душа.

• • •

За порог, за борок, за межу,
позлащенную светом осенним,
ухожу, ухожу, ухожу
с покаянным приветом последним.
"Будьте счастливы!" - близким шепчу
и неблизким.

Цветку и строенью.

...По янтарному
 (в полдень)
 лучу

и по звездному
 (в полночь)
 роенью.

• • •

Мое поколение - еще хоть куда!
Ни власть не сломила, ни водка.
Одна заковыка, одна лишь беда:
одышливой
стала
походка.

Еще не угасло в родных голосах
пристрастье к палаточным песням,
но все-таки стал осмотрительней шаг
оглядка какая-то есть в нем!

• • •

Зачем я буду обещать, что буду
жить бесконечно,
если точно знаю,
что никакого не свершится чуда,
что я бреду почти уже по краю,-
границей света и границей мрака,
границей полуночного оврага,
границей сада, что плоды роняет.
И тех границ никто не охраняет!

ДАВНЕЕ ВРЕМЯ

Как обольстительно жилось
без оговорок и без отчеств!
Как все до капельки сбылось
из молодеческих пророчеств!

За исключением того,
что дали будут золотыми.
За исключением того,
что вечно будем молодыми...

• • •

Когда в последний раз,
каймой обведена,
тебя в последний раз
окликнула луна?

Когда ты понял, что
в метельном беге лет,
по сути, ничего
прекрасней неба нет?

С собою примиришь
и сонмищем светил,
когда в последний раз
ты человеком был?

• • •

Когда душа пустынна, Бога ради
не тормозите прежние тетради.
Все то, что вы в апреле зачеркнули,
не надо восстанавливать в июле.
Что хлопотать вокруг обмолвок старых?
Быть может, в том и состоит прозренье,
чтоб отрешиться от былых помарок
и нового дождаться озаренья!

О ДРУГЕ

Его раздражает, что в слове "коклюш"
не там ударение ставлю,
в остротах бываю весьма неуклюж,
не тех сочинителей славлю.

Я тут же взрываюсь. Взываю к жене.
В словарь или на стену лезу.
А он говорит что-то резкое мне,
и скулы его - как железо.

Смолкаем. Выходим в полночную мглу,
Но что это? Белые мухи!

Он друг мой!
Я дня без него не могу.
...А нынче я просто не в духе.

ПОСЛЕ ФИЛЬМА "ИДИ И СМОТРИ"

...А повезло всех больше
той престарелой бабке,
которую вместе с кроватью,
весело гогоча,
каратели водворили
на холмике за селом:
"Ты еще нарожаешь,
бабка, сынов и дочек!"
С тем они укатили,
немцы и полицаи...
Там, в селе, догорали
люди и головешки.
Там уже было тихо -
разве что потолочный
брус догорит и рухнет,
искры пустив по ветру.
Там, в котловине ада,
даже людские крики
пеплом уже кружились
и садились на пепел.
Здесь, на холме, заросшем
мятой и повиликой,
было преддверье рая.
Здесь уже деловито
ангелы совещались,
как транспортировать бабку,
то есть, бабкину душу
с грешной земли безлюдной
ко престолу Господню.
Только душа у бабки,
видно, не торопилась
взять и расстаться с телом,
и улыбалась бабка
выморочно-блаженно...

• • •

Когда ударит пограничный час
и будет до конца испита чаша,
не стану, нет, стеная и мечась,
цыганить дополнительного часа.
Не стану умолять: ах, может быть,
еще неделю или полнедели,
чтоб замысел последний воплотить
и выложить себя
в последнем деле...
Не стану!
И пророчеств никаких
под занавес не выдам. Ради Бога!
Выходит так, что замыслов благих
на жизнь мою
не так уж было много.

• • •

Памяти П.Елагина

Он глазами недвижно уставился в шкаф
и забыться себя приневолил.
Он живет не на хлебе,
а на порошках,
ослабляющих страшные боли.

Третий день он приятелей не узнает,
не шевелится под одеялом...
Только внушка ликует и чуть не поет:
- А меня
еще утром
узнал он!

ГИПЕРТОНИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Увы, не солнечное море,
увы, не вешняя вода -
людей объединяют хвори,
одно их сплачивает горе,
одна сближает их беда...

Идти с коллегой, грустно хвастать,
на встречных женщин не смотря:
- Сегодня нижее - сто двадцать...
- Мой дорогой, у вас - сто двадцать?
Живите, жизнь благодаря!

- А что у вас?
- У нас все двести.
- Но это - верхнее у вас...
Так и брести неспешно вместе
почти что рыцарями чести:
сплоченный клан,
особый класс.

ПРОБНЫЙ АВТОПОРТРЕТ

1.

Я разве писатель? Я просто хочу,
чтоб дочке удача была по плечу.

Я просто желаю, чтоб долго жила
моя хохотунья, подруга, жена.

Не одослагатель, помилуйте, нет!
Ну, скажем, последний семейный поэт.

Ужели такие совсем не нужны?
И разве семья - не ячейка страны?

И если судьба улыбнется жене,
то станет ли хуже великой стране?

2.

Знаете, кто я? Имейте в виду:
птица, поющая на холоду,
солнца не ждущая,
нагло поющая
просто у плотной толпы на виду.

Знаете, кто я? Не знаете, нет...
Я никакой не дежурный поэт -
птица дежурная,
в небо ажурное
передающая ранний привет.

Знаете, кто я? Откуда вам знать.
Я ведь, по счастью, не певчая знать,
Так, над чернилкою
что-то чирикаю,
чтоб напряжение песенкой снять.

• • •
Туманны глаза твои,
дурманна ночная прелость,
Не ведаем, что творим...
Не ведать -
какая прелесть!

Томительный звездный прах
и хищная жизнь живая.
Трамваи несутся в парк,
и каждый трамвай -
Желанье.

Платана золотая прядь,
и вольного чувства игло,
и все, что случится впредь,
в руках
у этого мига.

Так медля,
срываясь так,
блаженствуя и пасуя,
мы замерли в двух шагах
от первого поцелуя!

• • •

От безбожного лукавства
нет надежного лекарства!
Ты давал себе зарок,
ты хотел себя заставить
не юлить и не лукавить,
но зароки все - не впрок...

Есть такое ощущение,
что фальшивят даже тени
возле глаз и возле рта.
Перекошено обличье,
не обличье, а двуличье,
не лицо, а срамота!

ЕЩЕ НЕДАВНО

Предержащие власти не зля,
все по полочкам сам и разложишь.

Это можно. А это нельзя.
Почему? Объяснится не можешь.
О, тишайшие ночи и дни!
Занят цензор.

И - пишущий занят.

Это можно. А это - ни-ни.
Но зачем же?
А кто его знает.

• • •
Снова я должен кому-то
руку признательно жать,
подобострастной улыбкой
чувства свои выразить.

То гуттаперчево гнуться,
то замирать в стороне...
Гнусные эти замашки
остоефенели мне.

Боже, когда принародно,
в голос

признаться
смогу:

ни от кого
не завишу,
ни перед кем
не в долгу.

КИПАРИС В ИЕРУСАЛИМЕ

Рувим, в твои года?
Куда? Опомнись, милый!
Ополоумел, что ль?
Нашелся мне Назон!
В конце концов, когда
обзавестись могилой
пришла пора, то здесь
чем плоше чернозем?

- Но Ершалаим, а?
Звучит? Мороз по коже!
... И двинул ведь, махнув
рукой на хворь, на быт.
И пишет: "Кипарис,
на тополь чем-то схожий,
со мною по ночам
по-русски говорит..."

• • •
Я о том же, о том же,
о сочувствии горю.
Мастерство твое тоньше -
я об этом не спорю.

Стих твой звонко-пружинист,
в рифме - легкость гимнастики.
Не бывал ты прижимист
на рискованные краски.

И по всем по приметам
в тебе удали боле.
Но ведь я не об этом!
Я - о муке и боли.

• • •
В одну и ту же
мы входим реку
всего однажды,
но - по макушку...
Мне намекали:
бери еврейку,
а я не понял
и взял хохлушку.
Родня корила:
отступник, аспид!
А я крепился:
не сдамся, сдюжу.
Чего глядеть мне
к подруге в паспорт?
Я засмотрелся
на живую душу.
Черты любимой
поднесь прекрасны,
необъяснимо,
как прежде, любы,

...Моя родная,
которой расы
твои ладони,
глаза и губы?

P.S.

Над хатой рыбацкой висит
дождя серебристая пряжа...
О, буду ль когда-нибудь сыт
дарами родного пейзажа?
И разве настанет пора,
когда мне избыточно хватит
соленой моряны с утра,
малиновых туч на закате,
той дали, откуда растет
волны искрометная глыба,
той глубины, откуда вот-вот
поднимется красная рыба,
той выси, белесой чуть-чуть,
над грозным прибоем гривастым?..
О, взглядом все это втянуть!
О, памятью все заграбастать!

Мы поднимались рано, на рассвете, выпивали по кружке парного молока и, прихватив пляжные сумки, направлялись к утреннему морю. Сама дорога туда была наслаждением. Мы огибали высокие песчаные холмы (кучугуры), топали по мелким, прозрачным озерцам (саквам), окаймленным осокой, пели Матвееву ("Ах, как долго-долго едем...") и Окуджаву ("Не бродяги, не пропойцы..."), потом шли вдоль маслиновых серебристых зарослей и опять топали по озерцу, и уже знали, какие растения зовутся солеросами, а какие - морским житняком.

Море за маслинами открывалось неожиданно, сразу, и прибрежному песку, на который мы ступали, меньше всего подходило куротно-обыденное имя пляжа. Просто километров 10-15 вправо и влево тянулся этот чистый, мельчайший, белоснежный песочек с редкими разбросанными по нему простынями-навесами и человеческими фигурками.

Мы еще с минуту нежились в воздушной ванне под скрипучие возгласы чаек - рыбалок и хохотуш. Те, присаживаясь у самой приборной полосы, подпускали нас на короткое расстояние, а потом как-то все разом перемещались на несколько метров и опять выжидали. Если мы все-таки надвигались на них, снова перемещались, напоминая цель и мечту, которые чаще всего несбыточны...

Разбежавшись, мы врезались в разверстную пасть волны и на миг впадали в обморочное состояние и забывали все на свете - земные заботы, душевное неустройство, служебные неприятности, семейные передряги (о, как далеки они были!). Мы выходили (выскакивали) из этой купели, смывшей с нас все затаенные хвори, уже другими, готовыми к новой жизни.

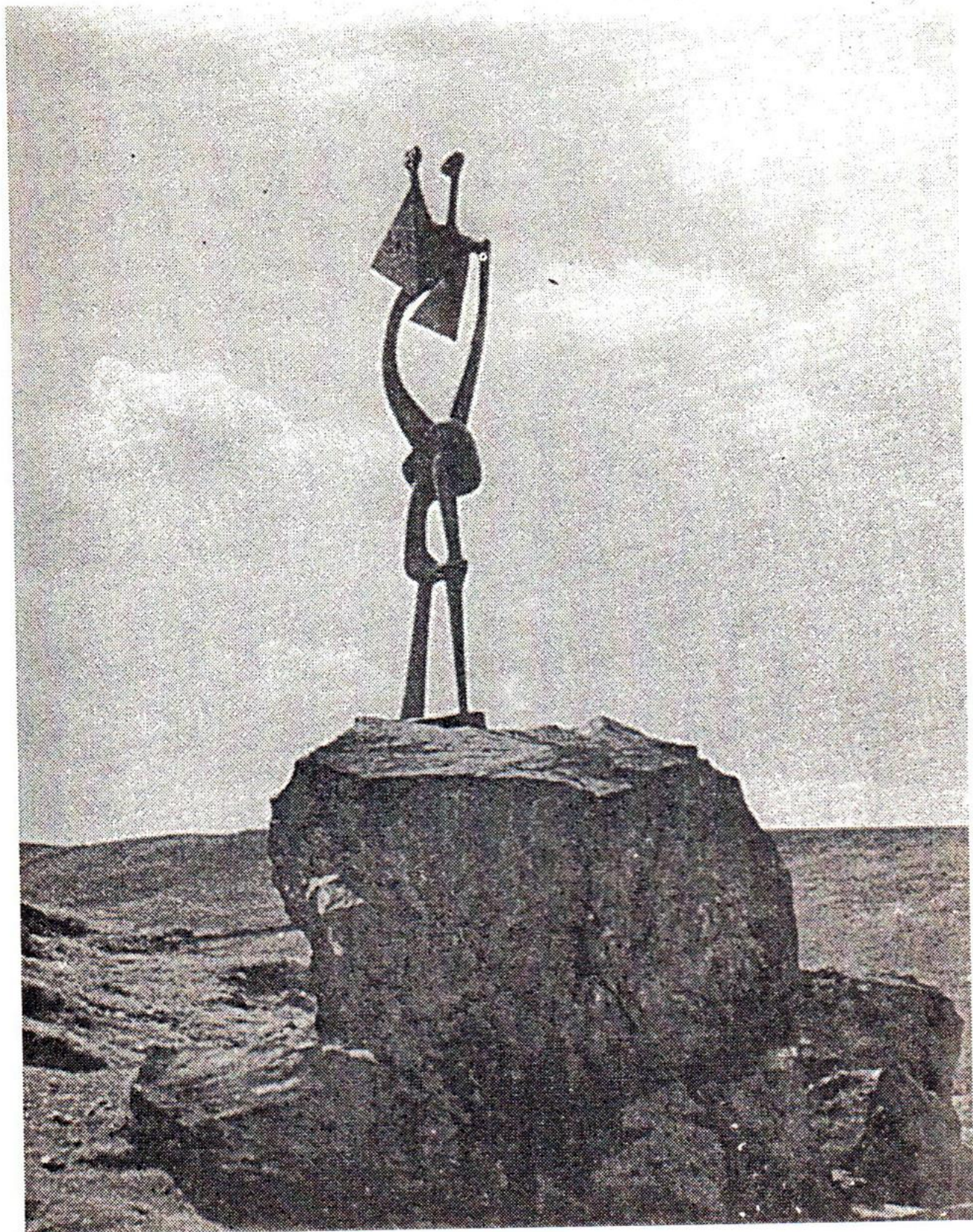
Потом начинались игры с прибором, самые счастливые игры в мире. Убегать от грозной, гудящей, в острых высверках набирающей силы волны - какая это была радость! И подставлять себя под нее, и лукаво увиливать от плотного удара, и не увильнуть от него, и чувствовать, как по ногам стреляют креветки... Нет, жизнь оправдана уже тем, что среди прочих щедрот есть у нее море - с мартынами, крабами, плоскими глосинами и перистыми лобастыми бычками.

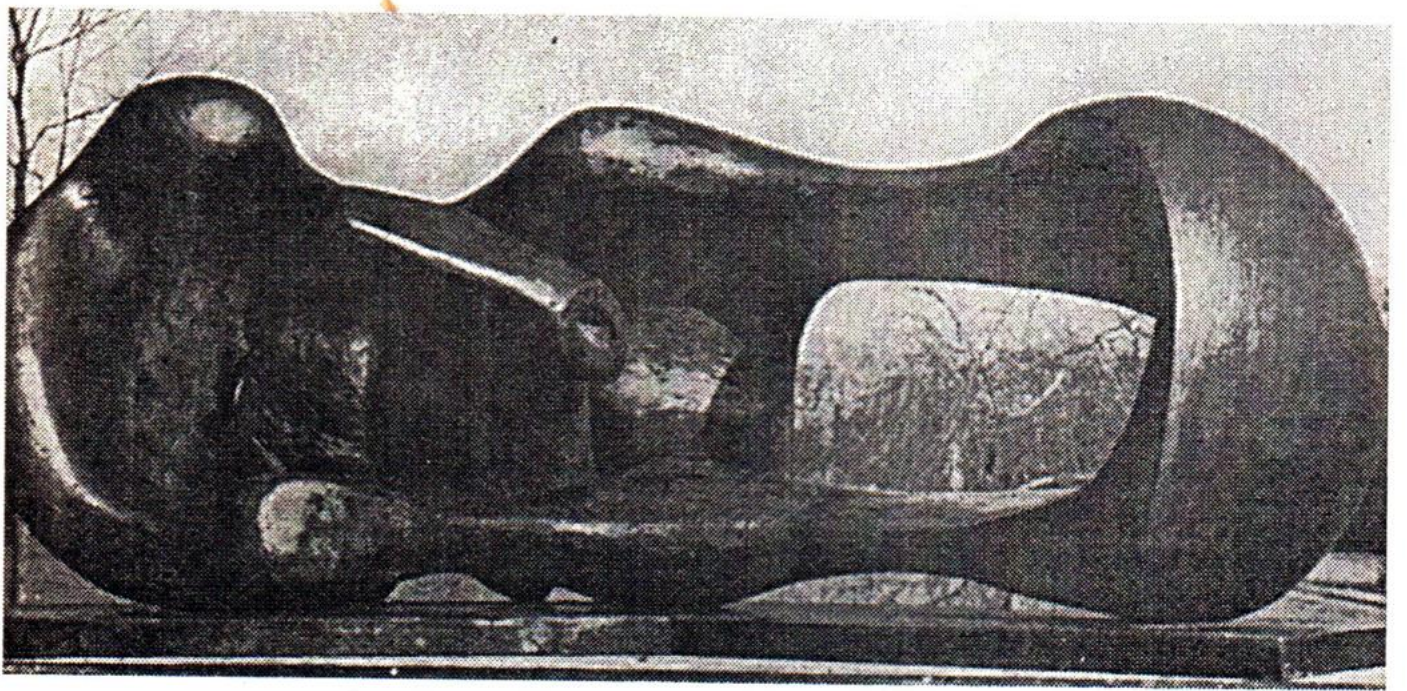
Мы накидывали на головы какие-нибудь тряпичные нашлепки и шли берегом, и удивлялись, сколько же это можно отшагать (незаметно!), если на левой руке - пустынное гремящее море, на правой - песок и маслины, а прямо - те самые чайки, и они-то знают: перемещаться надо так, чтобы ваша тень на них не упала.

А впереди ведь еще - длинный, неторопливый день с полуденным раскаленным солнцем и легким соленым ветерком, и сумерки с комарами, от которых не упрятаться ни в спортивный костюм, ни под слой зарубежной патентованной мази, и запахи пижмы, тысячелистника и горькой полыни, и миллионные россыпи звезд - они опускаются так низко, что их можно хватать с неба горстью.

И когда кто-то заводит богословскую дискуссию, есть рай или нет рая, мы посвященно улыбаемся: для нас это не предмет спора - ведь мы бывали в Покровке, на благословенной Кинбурской косе.

И койка там стоила рубль, а молоко - полтинник (в самых старых деньгах).

Содержание

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ	4
Тут вас дядька встречал при усах	5
О ЦИРКЕ	6
Надоело чернуху читать	6
ЛЕШИЙ	7
Душа истерзалась	7
Вдруг вспоминаешь знаконца, забытого	8
Мы жили	8
Я размышлял деловито и мудро	9
ЗЛОБА ДНЯ	9
Задор стариковский, ей-богу, - брехня!	10
В длинную строчку и я был когда-то влюблен	10
В ГОСТЯХ У В.ГРИГОРЬЕВА	11
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	12
КВАРТИРА	13
Друга с женою его примиряю	16
От благолепия земного	16
Увидев над тобою ореол	17
В конце суматошного серого дня	17
Добра рыбацкая земля	18
Замечательно	18
Жена сказала, носом потянув	19
Когда ты голову склоняешь	19
Безоглядно и тяжко греша	22
О тайне тех свиданий	22
ДЕЖУРСТВО В ТИПОГРАФИИ	23
ВАСЯ ПТАШКОГРАЙ	23
Среди высотных поднебесных хижин	24
Это я так, на полях, между прочим... ..	24

Слоисто небо, даль хмельна	25
Скупая графика зимы	25
Загадками не морочась	26
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА	26
...Увидеть в окне сыроватый	27
Слыша шорох стихий законных	27
Ты явилась, внученька	30
СООТВЕТСТВИЕ	30
Пройду ли по селу я	31
На ночном баштане	31
МАЛЬЧИК	32
ПРИТЧА ПОД ОЛИВКАМИ	33
Прекрасна женщина с отзывчивой душой!	34
О себе ненароком я думаю сам	34
ДИАЛОГ	35
МАМИНА ПОДРУГА	35
САША ЧАСТНИКОВ	36
НРАВ	37
НЕОРЕАЛИЗМ	37
Человек отдыхает в гробу	38
Он приехал, твой старый медлительный друг	38
Сколько жизней было у меня	39
10 МАЯ 1945 ГОДА	39
БАЛЛАДА АДРИАНА	40
Я в долгу перед всеми!	42
Он расскажет в своих мемуарах	45
В грядущий день вчерашнюю строку	45
Жизнь была фальшива и гнусна	46
НАСТРОЙКА ОРКЕСТРА	46

ПОЛЕМИСТ	47
ДВА ПОЛЯКА (1943)	48
...Но эпоха повального зла	49
Когда выходит с красным знаменем	49
УЛИЧНОЕ	50
Этот памятник красным маевщикам	50
Трусоватая лира моя	51
НА ДАЧЕ ДРУГА	51
ЕВРЕЙСКИЕ ТАНЦЫ	52
УЖЕ И ПОШУТИТЬ НЕЛЬЗЯ	53
Долетают реплик отголоски	53
БЛАТНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	54
История, была ты	54
Три месяца я не касался газет	55
СЛУЦКИЙ НА СПЕКТАКЛЕ "МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА"	55
ДУХОВНАЯ МЕККА	56
Когда мы скажем напрямик	56
Эти лица двадцатых годов	57
Был ночью я мучим бессонною болью	57
ОЗЕРО	58
ВОСПОМИНАНИЕ О КОВАЛИХЕ И ЕЕ СЫНЕ	59
УТРО НА КИНБУРНЕ	61
Есть в этой картине	61
ДО ПОЛЕТА	62
ПАМЯТИ КОНСТ. СИМОНОВА	62
На склоне сумрачного дня	63
Он напоминает сразу всех	63
ОБЛАКА НАД ЗЕМЛЕЙ	64

ОХОТНИЧЬЯ ПРИТЧА	68
Эта сосенка на супеси	69
ВО ИМЯ ЧЕГО	69
ДОВОЙНЫ	70
...И был по-особому добрым	71
ПРИМЕЧАНИЕ К СЛОВАРЮ	71
ЗАМЕТКА О СЕНТЯБРЕ	72
Последняя листва	72
Будем рощицу эту беречь	73
ПРЕОДОЛЕНИЕ	73
ДОРОГА НА ПЛЯЖ	74
ИЗ ПИСЬМА	74
Графика грабов, осевших сугробов пастель	75
Надо б, конечно, послать его на фиг	75
С утра холодрыга и бездорожье	76
СБОЙ РИТМА	76
ПРОЩАНИЕ С ДЕРЖАВОЙ	77
Конский след среди снежного поля	77
ЧИТАЛ!	78
ПОСЛЕ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА	79
О ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ (1941)	80
Раньше, право же, было проще	81
За порог, за борок, за межу	81
Мое поколенье - еще хоть куда!	82
Зачем я буду обещать, что буду	82
ДАВНЕЕ ВРЕМЯ	83
Когда в последний раз	83
Когда душа пустынна, Бога ради	84

О ДРУГЕ	84
ПОСЛЕ ФИЛЬМА "ИДИ И СМОТРИ"	85
Когда ударит пограничный час	86
Он глазами недвижно уставился в шкаф	86
ГИПЕРТОНИЧЕСКИЙ ЭТЮД	87
ПРОБНЫЙ АВТОПОРТРЕТ	88
Знаете, кто я? Имейте в виду	89
Туманны глаза твои	90
От безбожного лукавства	91
ЕЩЕ НЕДАВНО	91
Снова я должен кому-то	92
КИПАРИС В ИЕРУСАЛИМЕ	92
P.S.	94

ЭМИЛЬ ЯНВАРЕВ
СТИХИ МОИ МЛАДШЕ МЕНЯ
НОВАЯ КНИГА

Редактор
Валерий Карнаух

Технический редактор
Дмитрий Остров

Корректор
Людмила Костюк

Сдано в набор 28.12.99. Подписано 11.01.2000. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3

Тираж 500

Типография МП “Возможности Киммерии”.

МП “Возможности Киммерии”

327042, г. Николаев, а/я 531

тел.: (0512)-35-50-10, 36-03-21, факс 35-83-23

МП "Возможности Киммерии"